

*Книга частично основана на реальных событиях,
но некоторые сюжеты и все имена героев —
плод авторской фантазии.
Любые совпадения случайны.*

Удар был сильный. Потеряв равновесие, она схватилась за край стола, но скатерть предательски соскользнула, и женщина рухнула на спину. Голова стукнулась о мраморный пол, внутри загудело. Она замычала, попыталась подняться, но тут же получила ещё один сильный удар в живот.

— Мамочка-а-а.

Дочка подбежала, протянула руку, но была мгновенно отброшена в сторону. Она вписалась в стену и упруго, как мячик, отскочила. Раздался пронзительный детский крик.

Женщина, несмотря на дикую боль в животе, медленно приподнялась. По губе дочери стекала струйка крови. Женщина издала звериный вопль, кинулась к окну и истошно заорала: «Aiuto!»

Через пять минут в дверь стучали соседи. Они колотили так сильно, что, казалось, дверь вот-вот сорвётся с петель.

— Не высовывайся, — пригрозил он кулаком и направился к выходу.

Как только дверь распахнулась, женщина с дочкой на руках, в пижаме, стремительно бросилась наружу.

Колокол терракотовой церкви пропел шесть раз и слился с глухим «оммммм». Худая жилистая йогиня сидела в позе лотоса, сложив ладони на уровне груди.

— Оммммм, — повторила Анита и сделала глубокий вдох. Она открыла глаза и медленно выпустила струйку воздуха наружу.

— Дорогие, — йогиня откинула назад свои чёрные блестящие волосы и улыбнулась женщинам, сидевшим в кругу, — начинаем делать то, чему я учила вас в прошлый раз.

Она дотронулась до низа своего живота и громко произнесла:

— Представляем, как ваша матка дышит, наполняем её кислородом. — Йогиня встала и ритмично задышала. — Давайте, давайте! — воскликнула она и подняла руки.

Йогиня поочерёдно останавливалась перед каждой участницей, чтобы помочь своим ритмичным дыханием. Кругленькая миловидная женщина с тёмным каре дышала тихо и как бы стесняясь.

Йогиня присела рядом и накрыла своей ладонью низ её живота.

— Дыши, Анита, дыши глубже, дорогая, вот так, умница, выдыхай! Тебе это упражнение особенно полезно. — Она наклонилась к уху женщины и прошептала: — Вот увидишь, с мужем всё наладится.

2

Всю ночь в стену стучали. Негромко, но заснуть это мешало. Дочка под боком тихо сопела. Галя накрылась одеялом с головой, но всё равно продолжала прислушиваться к стуку. Интересно, что это? Вроде не молоток. И не что-то тяжелое. Слегка позвякивает и шуршит. Погремушка? Скорее всего. У соседки было двое детей — четырёхлетний мальчик и годовалая девочка. Соседка была тихая и осторожная, дети, наоборот, шумные.

В двухэтажном доме жили четыре мамы с детьми. Все семьи размещались на первом этаже. На втором ночевали воспитатели и хозяйка Моника.

У Гали и Зины было по одному ребёнку. У африканки Саиды трое детей, у итальянки Федерики, той, что по соседству, двое.

Дочка спала на удивление крепко при любом шуме, а вот Галя не могла. К тому же Галю мучили кошмары. Каждый день, с того первого дня

«в структуре», с той первой фразы «здесь вашим детям ищут нормальные семьи» ей снилось, что дочку уводят. Раньше она не понимала, что значит «просыпаться в холодном поту». Теперь это происходило с ней каждую ночь. По утрам ноги не держали, словно она опору под ними теряла. Хотелось упасть и лежать так долго-долго. Не падала только ради дочки.

Беатриче.

На телефоне заиграла нежная музыка. Галя мгновенно нажала на кнопку, чтобы не разбудить дочку, и встала.

Беатриче засопела и с удовольствием растяннулась на всю ширину кровати. В комнате были две односпальные кровати, Галя хотела их сдвинуть, но воспитатели не разрешили, а одна Беатриче спать отказывалась.

Пять утра. Галя набросила фланелевый халат, старый, потрёпанный, но очень любимый ею, — подарок мамы на день рождения: «чтобы не мёрзла, а то ваши итальянские дома холодные даже летом». Женщина скрипнула дверью и вышла в коридор. В доме стояла непривычная тишина. Галя прокралась мимо закрытых дверей соседок, нырнула в тесную ванную комнату, плеснула на лицо тонкой струйкой воды и, чуть поскрипывая паркетом, зашла на кухню. Аккуратно закрыла за собой дверь и села у окна. На стене тикали часы, холодильник привычно урчал.

За окном тёмное небо размывалось чуть заметно подступавшим рассветом.

Каждое утро Галя просыпалась раньше остальных: раньше воспитателей-надзирателей, и детей-непосед, и задёрганных мам, — чтобы посидеть в тишине. Она поставила на плиту кастрюльку с водой. Когда выйдет отсюда, первым делом купит электрический чайник. Чая в её семье пили много, отец пил и утром, и в обед, и за ужином, запивал им еду. Конечно, не чай из пакетиков. Отец ходил на рынок, долго искал, нюхал, даже жевал и покупал рассыпной чай на развес.

Привычка запивать еду чаем осталась и у Гали, но здесь пришлось от неё отказаться. Нельзя казаться странной. Воспитатели записывают каждый шаг в свои толстые тетради. И что пьёшь, и что говоришь, и как одеваешься, и как ведёшь себя с ребёнком.

Еду запивают водой.

С ребёнком говорят по-итальянски.

В пижаме к завтраку не выходят.

Больше всех записывала воспитательница с родинкой на губе. Ребекка.

Ладно сложенная, с виду милая, а на самом деле заносчивая и вредная, Ребекка была маленького роста, что мешало ей смотреть на всех свысока, и это дополнительно нервировало её так, что женщинам, попавшим под её присмотр, хотелось пригнуться, чтобы лишний раз её не злить.

Ребекка носила чётко остриженную чёлку до бровей, что усложняло её собеседнику понимание того, какие эмоции она испытывает прямо сейчас, и чёрную одежду, которую разбавляла время от времени яркими брошками и разноцветными балетками. Галя сбилась со счета, сколько у неё в коллекции цветной обуви. Сама Галя яркого избегала, да и в принципе она не отдавала себе отчёт, как именно выглядит и что хочет носить. Может, это и к лучшему, всё равно прямо сейчас она не могла бы покупать себе что-то из одежды.

Через полчаса зашаркала тапками соседка. Галя тяжело вздохнула, предвидя очередной непростой день, открыла холодильник, достала сыр и масло, взяла поднос, поставила на него тарелку, сварганила по-быстрому бутерброды и шмыгнула обратно в свою тесную комнатку. Поставила поднос на пол, раздвинула тёмные шторы, открыла окно, впусив бодрящий воздух.

Беатриче открыла глаза:

— Мама-а-а, так не хочется в школу, ты не представляешь. Иди ко мне валяться, а?

Галя присела и погладила дочку по кучерявым волосам, но в кровать не легла. Беатриче поднялась и накрыла их обеих одеялом:

— Ну на минуточку, мама.

Галя сбросила тапки, забралась в кровать, обняла дочку крепко-крепко и с наслаждением

вдохнула запах её волос. Если бы ей закрыли глаза и поставили перед шеренгой детей, она бы нашла свою дочку по запаху макушки.

Беатриче обхватила мать двумя руками и уткнулась лицом в её грудь. Галя почувствовала горячее дыхание.

— Мамочка, я тебя люблю сильно-сильно, как отсюда до Луны и так миллион раз, — подняла лицо Беатриче.

Галя покрыла поцелуями лоб и щёки дочки. Беатриче начала водить пальчиком по лицу Гали:

— Мама, почему у тебя бровки тоненькие, как ниточки, а у меня широкие?

Галя улыбнулась и стала объяснять про генетику и про то, что Беатриче наполовину итальянка, а у итальянцев черты лица заметней. И что светлые волосы и тонкие губы у неё от мамы, а тёмные широкие брови, длинные ресницы и курдючность — от папы.

— Да, мама, мы с тобой, как его... бьонде, — выдала Беатриче.

— Блондинки, — поправила Галя. — Всё, котик, а теперь точно пора вставать, — резко откинула она одеяло.

Беатриче нехотя поднялась, засунула ноги в тапки-единороги, скукожившись от холода, подбежала к двери, открыла и закрыла обратно:

— Мама, туалет опять занят, я сейчас опасаюсь.

Галя вздохнула, подошла к ванной, прислушалась к громкому пению и легонько постучала:

— Извини, тут дочка в туалет хочет.

— Я ещё голову мыть буду, — раздался бас молдаванки Зины.

Галя подошла ко второй ванной, но из-за двери доносились голоса итальянки Федерики и её детей.

Беатриче переминалась с ноги на ногу:

— Всё, мама, я больше не могу.

Галя забежала в комнату, выдвинула из-под кровати горшок:

— Давай сюда.

Беатриче скривила недовольную мину:

— Я же не маленькая... но писать очень хочется, — она плюхнулась на горшок с облегчением.

Галя взяла горшок и понесла его в ванную, но соседки ещё мылись. Оставила горшок в комнате и поморщилась: когда вернутся, комната провоняет мочой.

Звенели трамваи, сигналили машины, урчали мотороллеры, гремели фургоны, развозившие по магазинам товар. Милан жил своей привычной рабочей жизнью. Он, конечно, совсем не напоминал ту итальянскую деревню, где жила Галя последние годы. Да и на родной российский городок, где она родилась, похож не был.

Стремительный и многолюдный, он вызывал у Гали восхищение и зависть. Она завидовала

всем этим людям, спешившим на оплачиваемую работу, и этим родителям, обладавшим возможностью покупать своим детям свежие круассаны на завтрак и красивые яркие рюкзаки в первый класс.

К школе Беатриче подъезжали машины. Хлопая дверцами, из них выбирались мамы и папы, бабушки и дедушки, которые вели детей на школьный двор. После занятий бабушки заберут детей и сделают с ними уроки, вернуться с работы родители, дети будут играть в своих комнатах. А потом они семьями будут ужинать — не на общей кухне, а на своих личных, светлых и уютных.

Беатриче подпрыгнула, вместе с ней подпрыгнул серый простенький рюкзак, и она скрылась в толпе таких же первоклашек в синих халатиках. Галя мысленно послала дочке воздушный поцелуй и вернулась на шумную дорогу. Вынула из сумки смятую бумажку с адресом и растерянно огляделась вокруг в поисках метро.

3

Анита уселась на любимое место у окна. Кафе, как обычно в обеденное время, было переполнено, играла тихая музыка, по залу неслись громкие разговоры и звон тарелок.

Анита не успела попросить у официанта воды, как дверь в кафе распахнулась. Официант с горой

бутербродов на подносе запнулся, хозяин помахал в сторону двери рукой, бариста поправил и без того ровно уложенные волосы и улыбнулся.

В кафе вошла женщина, которая, где бы ни появлялась, притягивала к себе все взгляды. И дело было не в белоснежных локонах и не в высоком росте, а, скорее, в её королевской осанке и умении держать себя, будто так и должно — «смотрите на меня, явилась я». Женщина подошла к Аните:

— Здравствуй, дорогая.

Снежана развязала поясok идеального белого плаща, но не успела повесить его на вешалку рядом, как дверь кафе вновь отворилась.

В помещение уверенно влетела Кристина, эффектная девушка невысокого роста, что, впрочем, было незаметно, так как она предпочитала носить исключительно высокие каблуки. У неё была великолепная укладка в виде идеальных локонов двух оттенков, благородного шоколадного и песочного, туфли «Гуччи», плащ «Барберри» и сумка «Луи Виттон». Кристина больше походила на модель, сошедшую с рекламы в глянце, нежели на юриста, которым являлась.

Приятельницы радостно приветствовали друг друга поцелуем в каждую щёку. Двойной, а не тройной поцелуй давно стал естественной, привычной для Италии традицией.

Пока Снежана аккуратно развешивала плащ на вешалке, Кристина, небрежно кинув пальто на спинку стула, вытащила из сумки красный свёрток и протянула Аните:

— С днём рождения, дорогая! Это от нас обеих.

Внутри оказались духи. Анита не удержалась, вынула красивый флакон из коробки, сбрызнула шею и волосы, и девушек накрыла цветочная волна.

Анита закрыла от удовольствия глаза. Последний раз она покупала себе парфюм ещё до свадьбы, потом перестала: не было такого аромата, который бы не вызывал головную боль у её мужа.

— Спасибо большое, вы меня балуете, — обрадовалась Анита.

— Мы подумали, что нишевая парфюмерия Бруно понравится больше: там внутри всё натуральное, без всяких раздражающих примесей, — усмехнулась Кристина.

— Кстати, о раздражителях, а муж как тебя баловать собирается? — промурлыкала Снежана.

— Не знаю, может, в пиццерию ходим, — сказала Анита быстро, избегая взгляда подруги.

Снежана подняла свои пудровые, идеальной формы брови.

У Кристины зазвонил телефон.

— Да, да, хорошо, Франческо, я поняла, — громко ответила она.

— Как твоё дыхание маткой? — Снежана решила промолчать по поводу этого «в пиццерию ходим». Микеле подарил ей на день рождения поездку в Париж.

Анита начала взахлёб рассказывать о маточном дыхании.

— Девочки, давайте вместе ходить, а? Первая лекция бесплатно. Я себя чувствую та-а-акой вдохновлённой, — она блаженно улыбнулась.

Кристина закончила разговор и бросила телефон на стол.

— Простите, девочки, у меня бесконечные разговоры с Франческо. Он всё твердит «побудь в декрете, побудь в декрете», — Кристина закатила глаза, — а у меня там такие интриги, как оставить? — Телефон завибрировал. Она глянула, но не взяла. — Раз-два — и всё, проморгал место. А вы сами знаете, как сложно найти работу, чтобы и коллектив, и бессрочный контракт, и платили хорошо.

— Сколько сейчас Софии? — поинтересовалась Анита.

Кристина прекрасно поняла, почему она задала этот вопрос.

— Софии полгода, — деловито побарабанила она пальцами по столу, — в ясли отдавать рановато. Мама предлагает за ней присмотреть.

— Они переедут в Милан? — спросила Анита.

— Нет, заберут Софию на неделю, а я буду приезжать на выходных. Пока не пойдёт в детский сад.

Анита опустила глаза — не хотела, чтобы подруга прочла вспышку осуждения. Она вспомнила их разговор через неделю после Кристиных родов — ничего не поменялось, как она надеялась.

«Постарайся насладиться материнством, — говорила Анита Кристине, — это же уникальный для женщины момент. Постарайся замедлиться. Посвяти это время себе и ей».

«Что значит наслаждаться материнством? Сидеть целый день и любоваться ребёнком? Я не могу так», — ответила тогда Кристине.

— Ой, там шикарно! — Кристине отпила глоток вина. — На озере чистый воздух, просторная вилла с огромным садом и кучей игрушек, там ей точно будет лучше, чем в душной миланской квартире.

— Душная квартира с двумя ванными, гардеробной, террасой на крыше и видом на весь Милан, ну-ну, — улыбнулась Снежана.

— Я не представляю, как это — не видеть собственного ребёнка целую неделю, для меня это непонятно, — сказала Анита.

Она подумала о своих и на мгновение задумалась: нормально ли, что она целыми днями скучает по детям, которых через пару часов сможет забрать из школы и садика?

Кристина замолчала. Она тоже много чего себе не представляла. Например, как можно жить с человеком, мнение которого по любому, самому незначительному поводу отличается от твоего.

— Ну, знаешь, мне тоже многое непонятно, но не будем об этом... и вообще, я пока ничего не решила.

Кристина сделала ещё один глоток вина — это был уже второй бокал.

«Разве она не кормит грудью?» — пронеслось в голове у Аниты.

— Девочки, главное, чтобы каждая из нас была счастлива, — философски заявила Снежана. — Если Кристине комфортно, чтобы за дочкой присматривала мама, то на здоровье. Если Анита уверена, что дыхание маткой поможет отношениям с мужем... — Снежана осеклась.

Анита миролюбиво улыбнулась:

— Да, уверена! Ты бы сама попробовала. Мне кажется, тебе тоже... — Анита резко замолчала. — Ну, сама понимаешь.

Обычно молочное лицо Снежаны пошло красными пятнами.

— Мне ни к чему, — фыркнула она.

Кристина тайных намёков Аниты не уловила: у неё в очередной раз зазвонил телефон.

— Девочки, простите, мне надо бежать, приехал важный клиент.

Одной рукой Кристина держала телефон, второй надевала пальто. Подскочивший официант помог ей натянуть рукав.

— Совсем забыла! — Кристина огляделась и тихо заговорила: — Я вам не рассказала, какой скандал разворачивается с Наташей, ну той, что на виа Моцарт живёт. — Кристина зашептала ещё тише: — Муж узнал, что она ему изменяет, и грозитя детей забрать. Не знаю, чем там всё закончится. Ладно, теперь я точно побежала.

Кристина помахала рукой хозяину Риккардо и выпорхнула из кафе.

Снежана замерла, уставившись в точку на стене. Анита дотронулась до её руки:

— Не переживай, Кристина просто лягнула, не думаю, что она догадывается.

Официант, направляющийся с блюдом лазаньи к соседнему столику, повернул голову в сторону Снежаны и улыбнулся самой доброй и искренней улыбкой из всех, что были в его арсенале.

Снежана сделала вид, что не заметила улыбку, и раздражённо вздохнула:

— И сколько можно улыбаться? Это утомительно, в конце концов.

— Ну нравишься ты ему, — засмеялась Анита. — Снежана, а ты не думала, что есть связь между тем, что ты постоянно ищешь мужчин

старше себя, и тем, что росла без отца? На последнем занятии йогиня сказала, что тот, кого мы выбираем для отношений, является отражением наших отношений с родителями в детстве.

— Бо, как говорят итальянцы, — не думала об этом.

Анита возвращалась домой, и в голове крутились слова йогини:

«Ты не думаешь, что есть связь между твоим детством и отношениями с Бруно?»

Она помотала головой, мысленно отвечая йогине. То, что случилось с мамой, здесь совсем ни при чём.

4

В девять утра Галя стояла перед стеклянной витриной с надписью Casa immobiliare («Агентство недвижимости»). Из витрины на неё смотрела уставшая сутулая фигура. Синяки под глазами, помятое лицо. Когда она успела так постареть?

Тучный мужчина с запотевшими очками предложил стакан воды и кофе. Галя с благодарностью приняла.

— Наша работа — чистое везение, зарабатываем исключительно на процентах. Не продал дом — не получил денег, — выдал толстяк, прикончив свой кофе в один глоток.

Галя мяла изношенные, словно кем-то погрызенные, ручки кожаной сумки.

— То есть нет какого-то фиссо, гарантированной ставки?

Мужчина хмыкнул:

— Я же говорю: не продал дом — денег не получил.

Галя виновато пожала плечами. Такое ей точно не подходит.

Она вышла, села на трамвай и покатилась по широкой, заполненной платанами аллее. Сквозь кроны деревьев виднелись фасады величественных зданий. В центре города не было простых многоэтажек, вроде тех на окраине, где жила Галя. Росписи, лепнина, прелестные завитушки украшали каждый фасад, выдавая домам абсолютное право называться палаццо. Она всматривалась в ускользающие детали, представляя жителей этих роскошных домов. Интересно, как они выглядят, что едят на ужин, на какую работу ходят и работают ли они в принципе.

Аллея закончилась, а вместе с ней и вереница нарядных зданий. Трамвай пересёк шумный проспект, нырнул под мост и остановился в начале современного квартала. Галя вышла и направилась к торчавшим вдалеке верхушкам небоскрёбов.

Светлый офис находился на десятом этаже одного из них. Галя забрала из тесной комнатухи

со швабрами, вёдрами и тряпками тележку для уборки и тихо закатила в пустой офис. Убираться в офисах было намного проще, чем мыть унитазы в больницах.

Она вытерла пыль, прошлась по полу пылесосом. Помешаны эти итальянцы на пылесосах, у себя на родине она просто мыла полы, а здесь всегда пылесосом сначала пользуются. Галя принялась за окна. Посмотрела вниз, и голова слегка закружилась. Наверное, потому что не позавтракала.

Здесь хоть туалеты мыть не просили. Уже легче. По сравнению с тем, что ей пришлось делать в больнице, такая уборка казалась раем.

Галя вспомнила тот первый день больничной уборки. В первые пять секунд её затошнило от дикой вони и брезгливости. Она, бывший врач-стоматолог, драит туалеты. А что было делать, другого места работы она там не нашла бы.

— Перчатки бери потолще и с ароматом, есть такие специальные, сама купи. Здесь перчатки не выдают, — посоветовала коллега, вроде румынка. — И когда идёшь мыть туалеты, представляй, что ты где-то в лесу. Ну или на море. Я ещё наушники надеваю и слушаю музыку. У меня специальный плейлист есть «Когда я драю туалеты», — заржала она и провела в воздухе по невидимому пульту, изображая из себя диджея.

Те две недели ежедневного натирания уни-тазов в больнице аукнулись не только болями в спине, но и аллергией на чистящие средства. Не девочка, поди: меньше чем через год ей исполнится сорок.

Если считать, что за один час уборки платят 8 евро, то надо сделать уборку 550 раз. Тогда она покажет Ребекке, что смогла выполнить её условие. 550 уборок — это почти два года, каждый день, без выходных. Внутри заколотилось сердце, Галя остановилась.

Два года.

Как там учил психолог?.. «Считайте до десяти...» Галя размеренно вдохнула и выдохнула. Вроде успокоилась.

К социальному психологу, симпатичной женщине лет пятидесяти, Галю обязали ходить с первого дня. Психолог был частью системы, его выдавали вроде как всем. Она разговаривала спокойным ровным голосом, даже слишком спокойным, так, что иногда Галю клонило в сон.

Нет, два года она точно там не останется. Они выйдут оттуда гораздо раньше. Она, Галя, и её дочка, Беатриче.

Галя посмотрела на часы телефона. Надо успеть заскочить ещё в одно место и потом бегом в школу, сегодня Беатриче выходит раньше.

В магазине одежды долговязая чернокожая красавица смерила Галю оценивающим взглядом.

дом. Не женщина, а изящная статуэтка, вырезанная из редкого камня. Такие продавали в этнических лавках. Идеальная.

— Prego, — сказала чёрная статуэтка.

Галя старательно улыбнулась, ей очень хотелось понравиться.

— Я пришла по объявлению.

Статуэтка предложила пройти за кассу и присесть.

Через пять минут к Гале вышла директор, дорого пахнущая под стать дорогом платью.

Галя расстегнула плащ, обнажив край спортивного костюма, но, вспомнив, в каком она виде, тотчас же застегнула.

— Мы работаем с 10 утра до 19.30 вечера и в выходные тоже. Какой у вас опыт? — Директор скользнула взглядом по Галиным несвежим волосам, рукам без маникюра, заношенным колготкам и ботинкам со стёртыми носами.

— Я работала в магазине когда-то, раньше, когда была моложе. — Галя заискивающе улыбнулась, но на директора магазина её слова впечатления не произвели.

Директор наматывала свой каштановый локон на выкрашенный в бордовый цвет ноготок и смотрела на Галю беспристрастным профессиональным взглядом.

— Я... хотела спросить, — робко продолжила Галя. — Дело в том... — она поёрзала на стуле, —

дело в том, что я не могу работать так поздно и в выходные тоже не могу... может, у вас есть что-то на полставки?

Директор натянуто улыбнулась:

— К сожалению, нет. Только фул-тайм, выходные обязательно. — Она говорила и продолжала улыбаться, словно получала удовольствие от того, что её собеседница не сможет работать в этом шикарном магазине.

Галя вышла на улицу и посмотрела на городские часы. Стрелки доползли до 12.00. Галя засуетилась: где тут метро? Вроде в той стороне. Она почти бежала. Нечаянно толкнув какую-то девушку, буркнула «scusi», прошла турникет, понеслась по коридору. Какой же он длинный! Эскалатор тянулся слишком медленно, и Галя, запыхавшись, бежала по нему вниз.

Со станции вот-вот отойдёт поезд! Галя стремительно втиснулась в двери. Фух, успела. Стёрла пот, облизала сухие губы. Попить бы.

Села на красное сиденье и принялась листать газетку *Offerte di lavoro* («Предложения о работе»). Взгляд остановился на знакомом слове *pulizie*. Неужели для неё не найдётся ничего, кроме уборок? В голове пронеслись слова воспитательницы Ребекки:

«У тебя должен быть прогресс. Надо искать другую работу».

Но как? Кто заберёт Беатриче из школы? Где искать работу, чтобы не до вечера и на полдня? Если бы у неё была с собой швейная машинка...

Веранда усыпана лоскутками, маленькая Галя возится между обрывками шёлка и фланели, обматывается люрексом и вдыхает запах сырости и тканей.

Поезд остановился, голос объявил «Cascina Gobba», Галя подскочила и пулей вылетела из метро, кинулась на остановку и заскочила в автобус. Отдышавшись, она встала на любимое место, к заднему окну, чтобы рассматривать дома и людей. Билет не купила: думала, так проскочит, на следующей остановке всё равно выходить. Проскочить не удалось. В передние двери зашли двое в синих формах. У одного из них, казалось, вот-вот упадут сидевшие низко, под нависающим животом, штаны.

У Гали вспотели ладони и заколотилось сердце, она сжала ручки сумки, рискуя окончательно отковырять остатки изрядно облупившейся кожи.

— Ваш билетик, — равнодушно бросил один из контролёров.

— Mi scusi, у меня ребёнок выходит из школы через десять минут. Сегодня короткий день, первая неделя, — от волнения Галя коверкала итальянский. — Она в первый класс пошла, — добавила она, пытаясь вызвать сочувствие.

— Синьора, билетик, — игнорируя её объяснение, попросил контролёр.

Галя покачала головой.

— Ясно, — сказал контролёр с падающими штанами и достал из сумки стопку с листками. — Будем выписывать штраф.

Галя посмотрела в телефон. Беатриче вот-вот выйдет.

— Я вас очень прошу!

Контролёр спросил её имя, фамилию и продолжил не спеша выписывать штраф. Галя схватила его за руку:

— Через пять минут она выходит из школы, её некому забрать, она будет там одна.

Контролёр отбросил её руку:

— Не трогайте меня.

— Что же вы за звери такие! — К горлу подкатил комок, Галя обхватила голову руками. — Господи, как же я устала! — взвыла она на русском.

Люди вокруг оглянулись. Парень с пирсингом в носу робко вмешался:

— Братан, давай я пробью за неё билетик, а?

Контролёр был непоколебим. Он выдал Гале бумажку:

— Оплатите на почте, это боллетино.

Галя выдернула листок и выскочила из трамвая. Она бежала, задыхаясь. Дом, второй, третий. Во рту всё окончательно иссохло.

Издалека виднелись школьные ворота, а за ними, внутри жёлтого здания, мелькала кудрявая голова Беатриче — дочка стояла, прижав нос к стеклянным дверям. Увидев маму, она замахала и улыбнулась полубеззубой улыбкой. Биделла, няня, с укоризной покачала головой, открыла дверь и выпустила ребёнка наружу.

Кудряшка бросилась к маме:

— Мамочка, мамочка, я уже начала волноваться.

Галя подхватила Беатриче и закружила, целуя в нежную шею. Беатриче смеялась и визжала, что ей щекотно. Галя поставила дочку на землю, достала из её рюкзака алюминиевую с розовыми узорами бутылку с водой, заглянула внутрь: на дне осталась пара капель.

— Ты не хочешь пить, солнышко?

Дочка помотала головой.

Галя жадно глотнула остатки воды, повесила школьный рюкзак себе на плечо, и они медленно поплелись в сторону приютившего их жилья.

— Мама, а можно я Аврору приглашу к нам в гости?

— Нет, малыш, вот будет у нас свой дом, тогда обязательно.

— Мама, а мы долго ещё будем в том месте? Мальчик в соседней комнате дразнится, а ещё у нас нет телевизора.

Галя легонько сжала её крохотную ручку:

— Всё у нас будет, милая, я тебе обещаю.

Недалеко от дома их неожиданно настиг дождь. Галя раскрыла сломанный зонт; с одного конца капало, и они шли, тесно прижавшись друг к другу. Один её ботинок промок и хлюпал, она уже как-то пробовала заткнуть дырку жвачкой, но не помогло. Надо бы занести к обувному мастеру, но его сначала надо найти, да и не до этого сейчас.

Они подошли близко к дому, но идти в тесную комнатуху не хотелось. Галя мученически вздохнула, словно запасаясь свежим воздухом впрок.

— Солнышко, давай ещё подышим. — Галя остановилась, прижала дочку к себе и погладила её свободной рукой по спине, укрывая зонтом.

— Мамочка, мне холодно, пойдём, а? — Беатриче дёрнула её за рукав плаща.

— Пойдём, моя хорошая. — Галя вытерла лицо рукавом.

Когда дочка уснула, Галя заперлась в ванной, включила воду, села на унитаз и тихо заплакала. Она всхлипывала, закрывая ладонью рот. Ей так хотелось закричать, громко и безудержно. Так хотелось выплеснуть наружу боль, стыд, беспомощность и чувство вины, но от того, что сделать это было невозможно, становилось ещё невыносимей. Она закрыла руками лицо и сидела, покачиваясь из стороны в сторону. Если бы не

Беатриче, она вышла бы на балкон и сиганула вниз. Жаль, что здесь всего второй этаж, зато такая мысль не раз приходила в тех офисах-небоскрёбах. Там результат был бы однозначный.

Но мысль о том, что дочка останется одна или, куда хуже, станет жить с НИМ, приводила в чувство. Этого точно нельзя допустить.

Галя вернулась в комнату, стараясь не шуметь, отодвинула нижний ящик шкафа и достала коробку. То была старая коробка из-под пуговиц, которая досталась ей от бабушки. Бабушка же и научила её шить. Галя могла бы нормально заработать сейчас на шитье, но швейная машинка осталась там. В доме, откуда пришлось сбежать.

Коробка из-под пуговиц служила ей копилкой. Сейчас в ней было отложено 400 евро.

— Ты должна работать, чтобы поскорее выйти из этого проекта, — бросила воспитательница Ребекка в один из первых дней. — Будет у тебя в копилке 5000 и бессрочный контракт — выйдешь.

Восемь евро в час, пятьсот пятьдесят уборов — выходит 5000 евро.

Полная копилка и бессрочный контракт. Вот цена их с Беатриче свободы.

Фрагменты из отчёта воспитателей:

Утром вышла к завтраку в пижаме

Ночью слышали рыдания

Попросила пить чай на обед

5

Колокола церкви отбивали привычный утренний ритм. Девять утра. Дети в школе, муж на работе, можно заняться собой. Снежана улыбнулась солнцу, встала на фоне разноцветного клёна и пронзительно яркого неба, проглядывающего сквозь ветви, сделала селфи в «Инстаграм»¹ с надписью «Жизнь прекрасна, la vita è bella».

Строители, копавшие ямы во дворе, восхищённо присвистнули и прокричали вслед:

— Ma che bella sei!

Снежана, привыкшая за десять лет жизни в Италии к постоянным комплиментам итальянских мужчин, закатила глаза, но внутренне усмехнулась. Она знала, что на местных её внешность производила гипнотическое действие.

На телефон пришло сообщение: «Когда увидимся? Я скучаю».

Снежана не ответила. Пусть пострадает.

Любовник у Снежаны появился не сразу, лишь когда дети отправились в детский сад и времени стало больше. Сначала это был не любовник, а ухажёр. Он осыпал её комплиментами, всячески нахваливал. То, чего Микеле больше не делал. Микеле изменился, начал требовать готовить, причём не просто готовить, а, как он выражался,

¹ Компания Meta признана экстремистской организацией в РФ.

«оптимизировать расходы». Приводил в пример свою маму. Она, мол, всегда готовит из остатков. Что за старческие привычки? — удивлялась Снежана. Вроде состоятельная семья, а оптимизируют. Снежана, выросшая в бедности, наоборот, экономить не хотела. Покупала самые дорогие продукты, часто в кулинарии (здесь это называлось *gastronomia*) уже готовое, стряпать не любила. Ещё чего, будет она тратить время на готовку, когда вокруг столько интересного.

Снежана миновала кружевную белоснежность собора Дуомо и свернула на Корсо Витторио Эмануэле. Из кондитерских доносились соблазнительные ароматы свежих круассанов, работники магазинов протирали витрины и готовились к очередному рабочему дню, туристы пили неоправданно дорогой кофе за столиками.

Снежана зашла в магазин детской одежды присмотреть мальчишкам школьную форму.

Оба сына пойдут в частную школу — так решил муж.

Лучшую школу в Милане, стоимость года обучения в которой обойдётся в несказанную сумму — годовую зарплату среднего миланского клерка. Зачем такие траты и почему дети не могут пойти в обычную школу, ведь это всего лишь начальная школа, первый и второй класс, Снежана не понимала. Но и не спорила. В конце концов, платит он.

Она пробежала глазами ряды костюмчиков. Надо купить синие штаны, белые рубашки и синие пиджачки, сверху нашить эмблемы школы. Муж подарил ей швейную машинку. Снежана всегда хотела научиться шить и даже метила в престижный Институт Марангони, чтобы стать модельером. Но сейчас, когда детям надо платить столько за обучение, она, пожалуй, перебьётся, да и желание поутихло.

На телефон пришло новое сообщение:

«Аморе, почему не отвечаешь?»

Сколько раз она просила не писать ей на телефон! Снежана кокетливо накрутила локон на палец и ответила, назначив свидание через два часа, пусть сводит её на обед в отель Bulgari. И тотчас стёрла сообщение.

6

Анита проснулась раньше всех, тихо вышла из комнаты, прикрыла за собой дверь в спальню и на цыпочках спустилась на первый этаж. Главное — не разбудить Бруно, у него такой чуткий сон. Она приняла душ, быстро высушила ровное каре феном и довольно разглядела своё отражение в зеркале. Как удачно её подстригли. Волосы Анита носила всегда длинные, но вдруг перед днём рождения захотелось каких-то перемен. Йогиня, она же гуру, она же астролог, решение

Аниты не одобрила. По её мнению, женщина, остригая волосы, лишает себя силы. Ну а как по ней, так короткие волосы намного удобней. Анита помотала головой вправо-влево.

Она зашла в детскую и нежно прошептала:

— Котики, пора вставать.

Анита пощекотала розовую пяточку младшего, сын спрятал ножку под одеяло и что-то недовольно промычал. Анита подошла к старшей и поцеловала дочку в тёплую щёку.

Через десять минут уговоров Аните удалось отправить детей в ванную.

Пока те мылись, она накрыла на стол. Сварила кашу, подогрела молоко. Она не признавала сладкого итальянского завтрака, всех этих булочек с печеньями, и старалась готовить как дома.

Угрюмый Бруно зашёл на кухню, промычал «буонджорно» и поставил вариться кофе. Это единственное из домашних дел, которое он делал с удовольствием и регулярно.

— Гугл, включи телевизор, канал уно! — выкрикнул он.

Умный помощник выполнил команду, на экране появились ведущие новостей. Телевизор был включен в доме почти всегда, за завтраком, обедом и ужином. Анита терпеть не могла эти говорящие головы, а для мужа телевизор был такой же частью повседневности, как для многих музыка.

Дети есть не хотели, просили шоколад и ссорились из-за игрушек.

Миша ударил Катю роботом лего, та заплакала. Бруно схватил робота, откинул его и прикрикнул на обоих. Миша показал папе язык, тот приблизил свой указательный палец к покрасневшемуся лицу Миши и сказал, что в следующий раз язык оторвёт.

Миша заплакал и кинулся к маме жаловаться. Анита пожурила сына, объясняя, что бить сестру нехорошо, стрельнула глазами в сторону удалившегося в ванную мужа — неужели нельзя обойтись без этого «оторву язык»? — но разбираться не стала: детям пора в школу-сад, ей — на работу.

Она помогла детям одеться, сама быстро натянула узкие джинсы и свитер. Ни одна из беременностей не доставила проблем в виде лишних килограммов. Лишь грудь, и без того немаленькая, увеличилась на размер. Не обвисла, всё так же упруго держалась. Бруно всегда говорил Аните, что влюбился в неё из-за «фасада», и дико ревновал, когда она носила слишком глубокое декольте.

Катя всё ещё дулась, Миша хныкал. Анита сунула обоим шоколадное печенье. Помогло.

Анита и дети вышли на улицу. Шёл дождь. Она открыла детский зонтик для Кати, большой для себя, укрыла коляску Миши от дождя, и они мед-

ленно двинулись в сторону школы и детского сада. Хорошо, что оба здания находились рядом.

— Мамочка, Люсе тоже нужен зонтик. — Дочка прижимала к груди белого игрушечного кролика с длинными ушами. Кролика звали Люся, так Анита хотела назвать дочку. Но имя Люся на итальянском звучало как Лучия, совершенно не то. Узнав об имени, которое не случилось, дочка назвала любимую игрушку Люсей. Она таскала кролика повсюду, но в школу не разрешали приносить игрушки. Поэтому она отдавала кролика маме, та несла Люсю на работу и приносила вечером домой. А вечером Катя усаживала кролика за игрушечный столик, наливала чай из кукольного чайника и расспрашивала Люсю, как прошёл её день.

Анита оставила Мишу в саду, Катю в школе и дошла до небольшого вокзала. Вот плетётся, как всегда с опозданием, поезд treno nord, упакованный сверху донизу pendolare — так называются те, кто ездит на работу в Милан из пригородов.

Анита вошла в поезд и села у окна. Мелькали кирпичные крыши и нарядный багрянец здешней осени. Пожухлые жёлтые листья не наводили тоску, в них Анита находила поэзию и хрупкую красоту. Ещё большей трогательности добавляли высаженные у изголовья виноградников кусты белых роз. По температуре здешняя осень больше

походила на раннее лето в родных широтах. Хотя какие они уже родные. Восемь лет в Италии...

Анита включила музыку и закивала ей в такт. Главное, не оставаться наедине со своими мыслями, иначе придёт она.

Пустота.

Как будто внутри Аниты была дырка, через которую сквозил холодный ветер. Иногда пустота с ней говорила. Анита не всегда этого хотела. Вернее, никогда не хотела. Пустота задавала неудобные вопросы.

Сегодня, например, она не переставала спрашивать, насколько это нормально — не помнить день рождения своей жены. Анита смотрела в окно и вспоминала, как отметила свои предыдущие восемь дней рождения. В первый год Бруно дарил ей подарки. Когда появилась Катя, подарков и внимания поубавилось. Ну, хотя бы цветы покупал. Правда, она напоминала ему заранее и вообще отметила все их дни рождения в семейном календаре. Купила бумажный красочный и повесила на кухонной стене. Не помогло. Вчера он просто забыл. Работал Бруно в компании, которая продавала разную технику, и не то чтобы сильно уставал. Хотя и говорил о постоянном стрессе.

Внутри опять зануло. Анита чувствовала пустоту с самого детства, с того момента, когда не стало мамы. На тот момент Анита была возрас-

та Кати. Шесть лет. Она поёжилась и достала из сумки Катиного зайчика. Провела игрушечными ушами по своей щеке. Какая всё-таки Катя ещё маленькая. Какой же всё-таки маленькой была она...

Полчаса, и поезд прибыл на станцию Гарибальди. Там несколько остановок на метро и сразу офис, возле метро Sant Agostino. Конечно, если по-честному, она не против поселиться где-то здесь неподалёку. Выросшая в городе, Анита оставалась горожанкой, и пусть у неё не было времени на театры и прочие культурные мероприятия, но ей нравилось знать, что они где-то там, на расстоянии вытянутой руки. Это давало ощущение знакомого. Всю жизнь она подшучивала над людьми из провинции и вот сама там оказалась.

Тортонна, так назывался квартал, где работала Анита, был и дизайнерским, и модным одновременно. Там находились многочисленные студии и креативные агентства. Весной проходила Неделя дизайна, а осенью и зимой, когда Милан погружался в Неделю моды, здешние улицы наполнялись стильными моделями и продюсерами.

Зато воздух в Милане не ахти какой, а в Брианце у них дом с садом. В Милане они квартиру с садом точно не могли бы себе позволить. Деткам в Брианце раздолье: зелено, много открыто-

го пространства, леса, не то что этот несчастный клочок зелени Parco Solare. Да и дешевле у них там. Коллега снимает квартиру за 1000 евро, они за свою в Брианце отдают 600 евро по ипотеке. Есть же разница.

Внутри кафе «Да Риккардо», куда Анита забегала выпить кофе почти каждое утро, стояло звяканье чашек и пахло свежими круассанами.

Круассаны пекли в соседней кондитерской, на высоких подставках ароматно пахли булочки и пирожные: с абрикосовым, малиновым и апельсиновым джемом, миндальным кремом, пустые, засахаренные. Круглые, рогаликами, квадратиками и треугольниками.

За барной стойкой ловко орудовали двое высоких мужчин, оба в белоснежных, идеально выглаженных рубашках. Первый — хозяин, худощавый загорелый итальянец с едва проступавшей среди чёрных густых кудрей сединой, второй — проворный симпатичный бармен помоложе, отправлявший одну за одной белые чашки гостям:

— Tre saruccino, due macchiati, uno normale.

Посетители выпивали кофе у бара залпом, быстро дожёвывали свои круассаны и убегали на работу. Кое-кто предпочитал спокойно завтракать за столиком, но таких было немного. В основном студенты и пожилые миланцы, случайно попавшие в этот утренний офисный поток.

Анита попросила свой макиато, выпила его в один глоток, положила на барную стойку евро и пятьдесят центов.

— Сдачи не надо. — Она помахала рукой бармену и толкнула дверь, впустив запыхавшуюся блондинку.

— *Mi scusi*, — произнесла та, нечаянно наступив на ногу Аните.

— *Figurati*, — ответила она, улыбнувшись, и вышла в дождливый Милан.

7

Около девяти утра толпа схлынула, начался офисный день.

Пятидесятилетний Риккардо, хозяин бара, выдохнул и сделал себе кофе. Уселся за стол и раскрыл *La Repubblica*. Капли барабанили по окну, стекая быстрыми ручейками.

Блондинка рассеянно огляделась, поставила сломанный зонт в специальный контейнер.

Серый плащ топорщился от неправильно застёгнутых пуговиц. Покрасневшее лицо блестело от дождя, блондинка тяжело дышала. Она подошла к барной стойке и попросила кофе. Достала из кармана мелочь, отсчитала и положила на стойку десять монет по десять центов.

— Кофе стоит евро и двадцать центов, — улыбнулся бармен.

Женщина суетливо полезла в карманы, вывернула их наизнанку, но нашла там лишь пуговицу. Она покраснела, достала кошелёк, но и там монет не нашлось. Женщина поджала губы, вынула из сумки скомканную бумажку и положила на стойку, расправляя и поглаживая.

— Простите, — обратилась она к бармену, — тут объявление... — Она достала из кармана намокший кусок газеты. — А двадцать центов, *mi scusi*... я не рассчитала... — Она шмыгнула носом.

Бармен поставил перед ней кофе и кивнул в сторону высокого хозяина:

— Он — босс, по работе — к нему, а насчёт центов, — бармен взял сдачу Аниты, — вот тут есть, — и улыбнулся.

Женщина поблагодарила, залпом выпила кофе, подошла к столу и робко произнесла:

— Извините...

Мужчина поднял глаза. Блондинка протянула объявление и смущённо улыбнулась.

— Ах, вы насчёт работы? Присаживайтесь, — он указал на стул. — Вы уже выпили кофе?

Блондинка молча кивнула и расстегнула плащ, из-под которого виднелась полосатая мятая рубашка.

— Какой у вас опыт?

Блондинка откашлялась.